

Сергей Маковский. Иннокентий Анненский

Сергей Маковский, Портреты современников, Нью-Йорк, 1955.
OCR Максим Бычков

Известно, что мы плохо ценим и бережем наших "больших людей", - как часто уходят они почти незаметно, и только позже, когда их нет уже, спохватившись, мы сплетаем венки на траурных годовщинах...

Одним из таких неузнанных при жизни был Иннокентий Федорович Анненский. В области литературной он работал, можно сказать, в безвестности и лишь перед самой смертью обратил на себя внимание, примкнув к кружку молодых поэтов, зачинателей журнала, обязанного главным образом ему, Анненскому, первыми своими удачами...

Зато и не пощадила его литературная чернь... Не одна чернь! Перед кем-кем, а перед Анненским повинно все русское общество, - ведь современники, за исключением немногих друзей, мало что не оценили его, не увлеклись им в эти дни его позднего, так много сулившего творческого подъема, но, обидев грубым непониманием, подтолкнули в могилу.

Когда появилась в "Аполлоне" статья Анненского о нескольких избранных им русских поэтах, под заглавием "Они" {См.: "Встречи с прошлым" [вып. 3], М., 1978, с. 417. 10 Речь идет о статье И. Анненского "О современном лиризме", имеющей подзаголовки: "Они" ("Аполлон", 1909, Э 1-2), "Оне" ("Аполлон", 1909, Э 3). Анненский предполагал продолжить статью и в Э 4 "Аполлона" за 1910 год напечатать отрывок под заглавием "Оно", т. е. искусство. Работу оборвала скоростная смерть.}, не только набросились на него газетные борзописцы, упрекая меня, как редактора, за то, что я дал место в журнале "жалким упражнениям гимназиста старшего возраста" {Так писал В. П. Буренин в статье "Критические очерки". - "Новое время", 1909, Э 12082.} (это он-то, пятидесятилетный маститый ученый, переводчик Еврипида и автор лирических трагедий, мудрец "Книг отражений" и "Тихих песен!"), забрызгал кое-кто и из разобранных им поэтов, обидясь на парадоксальный блеск его характеристик. Пришлось даже напечатать его "Письмо в редакцию" {И. Анненский понимал, что его статья "О современном лиризме" может быть неверно истолкована. Поэтому он написал "Письмо в редакцию", в котором объяснил, что статья выражает его личную, а не редакционную точку зрения. - См.: "Аполлон", 1909, Э 2. Под "Письмом в редакцию" была напечатана приписка С. Маковского, в которой он сообщал, что согласен с тем, что сказано в "Письме в редакцию" И. Анненского.} в свое оправдание. Анненский ошеломил, испугал, раздражил и "толпу непосвященную", и балованных писателей, ждавших на страницах "Аполлона" одного фимиама. Метафорическая изысканность Анненского была принята за вызов и аффектацию, смелость оборотов речи - за легкомысленное щегольство...

Анненского мучило это непонимание. Критик благожелательный, миролюбивый, несмотря на свою "иронию", был задет за живое, нервничал, терзал себя, искал опоры, одинокий и не умеющий "приспособиться" к ходячим мнениям, - можно с уверенностью сказать, что волнения этих нескольких недель ускорили ход сердечной болезни, которой он страдал давно.

Даже наиболее просвещенный читатель долго оставался чужд и его стихам, и сущности его неозллизинизма, и критическому ясновидению. Он умер вот уже около полувека тому назад, но многие ли и за эти годы, несмотря на то, что Анненский признан передовой критикой большим поэтом, многие ли прислушались к нему, почувствовали его как выразителя целой эпохи, мятущейся эпохи нашей на рубеже двух миров - старой интеллигентской России, досказывавшей свое последнее слово с Чеховым, и новой, родившейся в конце века, - той России, которая началась, зараженная сумеречным Западом, "декадентством" в девятые годы, пережила затем бесчисленные "измы" европейских мод и погибла в бреду революционного всеожождения...

В этом смысле Анненский трагическая фигура. Поэт глубоких духовных разладов, мыслитель, осужденный на глухоту современников, - он трагичен, как жертва исторической судьбы. Принадлежа к двум поколениям, к старшему возрастом и бытовыми навыками, к младшему - духовной изощренностью, Анненский как бы совмещал в себе итоги русской культуры, пропитавшейся в начале двадцатого века тревогой противоречивых дерзаний и неутолимой мечтательности. Филолог-эллинист по специальности, по профессии педагог (директор Царскосельской гимназии, а затем инспектор Петербургского учебного